

Вообще-то, изначально аптекарь, увидев, что Сюй Пэн — деревенский мужик, скорее всего не разбирается в ценах, решил сбить цену и предложил за желчный пузырь змеи всего два лян серебра. Но Сюй Пэн заранее узнал у Юй Шанчжи настоящую рыночную стоимость, не дал аптекарю себя провести и твёрдо стоял на своём — пять лян.

В итоге действительно нашёлся честный лавочник в городе, который купил товар по указанной цене и добавил: если будет ещё — приносить всё к ним. Вырученные деньги разделили между всеми мужчинами, что тогда ходили ловить змею — в каждом доме царило радостное оживление. Пять человек — каждому по лян серебра, а это ведь немалые деньги.

Поговорив немного и посмеявшись, Су Цуйфэнь вспомнила, что принесла ещё и бамбуковую корзину. Внутри лежало десятка два весенних побегов бамбука.

- На заднем склоне холма весенние побеги полезли — сейчас самый сочный и нежный сезон. Я подумала, у вас в доме в последнее время столько всего происходит, где уж тут до сбора. Сегодня у нас дома накопили целую корзину, я отобрала вам немного — давай, принимай.

Вэнь Ецай, опираясь на палку, стоял на одной ноге у дверей, будто замер в позе золотого петуха, и смущённо смотрел на неё.

- Тётушка, вы и так спасли мне жизнь, ещё и еду к нам постоянно носите — я и не знаю, как вас благодарить.

Су Цуйфэнь улыбнулась — на её лице уже отпечатался след прожитых лет, но в этой улыбке была особая теплота, — и несильно похлопала Вэнь Ецай по тыльной стороне ладони.

- Что ты, дитя! С тех пор как у тебя появился муж, ты с тёткой словно чужим стал. Вот дождусь случая — попрошу мальчика Юя как следует тебя пожурить.

Как раз в этот момент из дома вышел Юй Шанчжи. Услышав своё имя, он поздоровался:

— Тётушка пришла? Мне показалось, будто вы звали?

Су Цуйфэнь не выдержала и фыркнула от смеха, а Вэнь Ецай торопливо вставил:

— Кхм-кхм... Никто тебя не звал, ты ослышался.

Сам он и вправду удивлялся: с тех пор как Юй Шанчжи появился в доме, все, кто прежде держал его сторону, понемногу переметнулись. Даже Вэнь-эрню, стоит ему не допить горькое лекарство и оставить пару глотков, сразу грозитя: «Вот пойду брату Юю скажу!»

А он-то именно этого и боялся — ведь Юй Шанчжи начитан, знает уйму разных доводов, и как

только начнёт читать нотации, ему хоть сквозь землю провались.

Юй Шанчжи, стоя рядом, слушал их разговор. Понимал, что речь о пустяках, но в его лице, хоть глаза и оставались пустыми, улыбка расцветала светло и ясно. Су Цуйфэнь молча наблюдала за ними, взгляд то на одного, то на другого. И чувствовала: между этими двумя что-то изменилось, атмосфера между ними теперь совсем не такая, как раньше.

Восстанавливался Вэнь Ецай куда быстрее, чем кто-либо ожидал. Прошло всего дней семь-восемь, а он уже отбросил деревянную палку и снова был полон сил — скачет, как ни в чём не бывало. Юй Шанчжи сперва не поверил, но, проверив ему пульс, понял: Вэнь Ецай и впрямь силён как бык — тело его уже полностью оправилось.

- Если снова пойдёшь в горы — обязательно будь осторожен. Я от Эрню слышал, что у нас осталась с прошлого года киноварь с жёлтой серой. Я взял немного, смешал с сушёным имбирём и истолок — получился сбор против змей и насекомых. Носи с собой всегда, кроме зимы. Пахнет он, конечно, так себе, но это лучше, чем снова оказаться укушенным, — сказал Юй Шанчжи и протянул ему маленький лекарственный мешочек.

Тканевый чехол для него сшила Вэнь-эрню, а запах от него шёл едкий, резкий. Вэнь Ецай тут же схватил его, сияя от радости, и с удовольствием разглядывал.

- Это ведь первый подарок от тебя, — сказал он. — Обещаю, как только пойду в горы, сразу надену.

Нетрудно было услышать в голосе Вэнь Ецай, насколько он дорожит этим пустяковым, на первый взгляд, предметом. Хотя внутри не было ничего редкого, Юй Шанчжи всё равно почувствовал лёгкое смущение. С их брачным договором — или даже если бы они были просто друзьями — такой подарок был бы уж слишком скромным и, возможно, недостойным.

И тут Вэнь Ецай снова заговорил:

- А ещё... твой кошелёк будет готов через пару дней. Потерпи немного.

Пока он лечился дома, не имея возможности выходить, у него появилось много свободного времени. Вот он и решил сшить для Юй Шанчжи новый кошелёк. Но беда в том, что с рукоделием у него всегда было плохо — с детства он был диковатым, как маленькая обезьянка, и никак не хотел учиться. А когда мать умерла, учить стало некому, и он это занятие окончательно забросил.

Обычно Вэнь Ецай в лучшем случае пришивал подошву или заштопывал дырку на одежде — никогда прежде он не делал ничего столь тонкого и аккуратного, да ещё и не для себя, а чтобы подарить другому мужчине.

Во время болезни к нему заглядывал Бай Пин — вот он у него и выспрашивал, как правильно шить. Потратил на это уйму времени, но в итоге вышло так, что стежки походили на ножки сороконожки, а вышивка на кошельке получилась и вовсе жуткой — смотреть было больно. С какой стороны ни посмотри — дарить такое было стыдно.

Он уже решил, что распустит всё и переделает. Как только освободится время — снова попросит Пин-гера научить его как следует, чтобы хоть что-то путное вышло.

Юй Шанчжи, конечно же, знал, сколько труда Вэнь Ецай вложил в этот кошелёк за последние дни.

- Не спеши, — мягко сказал он. — Это ведь твои деньги, просто пока они у меня на хранении.

Вэнь Ецай, услышав это, недовольно поморщился.

- Что за разговоры такие? Мы с тобой — одна семья. Моё — это и твоё тоже.

Он сжал в руке лекарственный мешочек, и, не дожидаясь похода в горы, тут же прицепил его к поясу, не выказывая ни малейшего отвращения к сильному запаху киновари.

Что до вышивки на том самом кошельке... Он всё же решил: надо переделать. Он ведь совершенно точно вышивал шелковицу, но Пин-гер почему-то утверждал, что на вид — будто какие-то бурьяны. Может, стоит снизить планку и просто вышить пару листиков, сказать, что это листья шелковицы...

Вэнь Ецай с сомнением подумал, что, пожалуй, так будет честнее.

Пока он лечился, многое было упущено, а на хозяйстве — никого. Вся семья Вэнь не выходила в поле, а сельское дело ждать не любит. Озимая пшеница в полях уже начинала зеленеть — пора было вносить удобрения, да и рис подошёл к тому этапу, когда нужно было начинать проращивать рассаду.

К счастью, помогали Ху Дашу с супругом. Поля у двух семей располагались недалеко, а у Вэней было всего три му, так что те просто выходили пораньше и возвращались позже, работая на пару часов дольше. Когда же Вэнь Ецай наконец смог выходить, всё, что оставалось, — это выполоть сорняки да дожидаться, когда придёт время пересаживать рис.

Он принёс с собой яйца, чтобы поблагодарить, но дома оказался только Пин-гер, который категорически отказался что-либо брать.

- Цай-гер, не надо со мной быть слишком вежливым, — сказал он. — Словно мы чужие. Если бы не ты с Юй-ланчжуном, мой Дие-гер давно бы умер, а мой муж так и не решился бы отделиться от родни. У нас троих не было бы сегодняшней спокойной жизни.

После той истории, не сумев переубедить Ху Дашу, семья Ху всё же разделилась: при свидетелях в лице Сюй Байфу, старший и младший дом договорились о разделе. Ху Цзинь, как и положено, осталась на попечении старшего сына. Ху Дашу поступил решительно — по указанию Сюй Байфу оставил двадцать лян серебра, после чего, не оборачиваясь, ушёл с супругом и ребёнком.

Теперь их семья сняла две комнаты у старухи Ли, что жила в деревне — жильё оказалось совсем недалеко от дома Вэнь Ецай. Ху Дашу говорил, что через пару лет, когда подкопят денег, купят землю и поставят на ней новый дом.

С головы Пин-гера исчезла злобная свекровь с её бесконечными упрёками, и он даже округлился — стал полнее, спокойнее, посвежел. Вэнь Ецай, глядя, как у него всё складывается, и сам радовался. Они оба, думалось ему, как-никак прошли сквозь бурю: Пин-гер — отделился вместе с Ху Дашу, а у него самого теперь есть Юй Шанчжи.

На следующий день с самого утра светило яркое солнце. Вэнь Ецай первым делом вышел в поле. После укуса ядовитой змеи его история разошлась по всей округе, и теперь, когда соседи с близлежащих участков видели, как он снова жив-здоров, бодро трудится — не могли скрыть своего удивления. Чего уж говорить — стоило взглянуть на Вэнь Ецай: румянец на лице, работает с той же силой, что и прежде, не уступая ни одному мужчине, полон энергии — да где тут хоть намёк на того, кто недавно лежал между жизнью и смертью от змеиного яда?

В одночасье большая часть жителей деревни Селю заговорила о врачебном искусстве Юй Шанчжи с новым уважением. Некоторые уже прикидывали, что впредь стоит обращаться за лечением именно к нему, а потому — чего уж там — неплохо бы и с Вэнь Ецаем поддерживать хорошие отношения. Ведь хоть обряд свадебных поклонов у них ещё и не состоялся, но разве дело только в этом? Кто ж не знает, что Юй Шанчжи — это его, Вэнь Ецай, чжусюй, железно прибитый к его судьбе, а сам Цай-гер, рослый и сильный, — законный глава семьи.

- Цай-гер, ты уже совсем оправился?

- Ты теперь, как в горы пойдёшь, поосторожнее будь! Недаром говорят: "Год за годом стреляешь в гусей — и всё равно может так случиться, что гусь выклюет тебе глаз!"

Вэнь Ецай терпеливо всем отвечал, про себя удивляясь, какими вдруг стали дружелюбными и словоохотливыми эти люди. Прежде он всегда работал в поле один — пришёл и ушёл, почти не болтая с другими. Многие семьи даже запрещали своим детям-герам с ним заговаривать, опасаясь, что он их «собьёт с пути», — да и сам Вэнь Ецай уже считался тем самым гером-перестарком, которого никто не возьмёт в супруги. Теперь же, благодаря Юй Шанчжи, он словно в одночасье превратился в завидный лакомый кусочек. Нашлись и нетерпеливые — после пары дежурных приветствий тут же переходили к делу:

— Цай-гер, скажи, когда у Юй-ланчжуна глаза-то поправятся? У меня поясницу по ночам так ломит, спать не могу, хочу, чтоб он посмотрел!

— Верно, Цай-гер, у моего пятого сына в последние дни живот то и дело прихватывает — не знает ли Юй-ланчжун, в чём дело, может, поможет?

Вэнь Ецай, как и договаривался с Юй Шанчжи, неизменно отвечал заранее подготовленной фразой:

— Ещё немного, скоро уже совсем поправится. Как только снова начнёт принимать, все наши земляки смогут прийти — никому отказа не будет.

Те, кто расспрашивал, видя его спокойный и уверенный вид, тут же успокаивались — значит, дело действительно идёт на лад. Решали, что подождут ещё немного, без суеты. Раньше ведь в деревне и вовсе не было лекаря — как-то же жили, с разными болячками, кто лечился, кто нет, а всё равно справлялись.

Среди односельчан, конечно, находились и те, кто говорил доброе, и те, кто не упускал случая поязвить.

— Стал бы этот лекарь, если бы и впрямь был таким уж искусным, в нашу деревню в зятя идти? — язвительно бросила одна женщина. — Слушай, сестра, твоя спина ведь и так болит ни первый, ни второй год, всё равно не вылечилась. А если он сделает ещё хуже — тогда что?

Женщина, что до этого жаловалась на спину, тут же вспыхнула:

— Да скажи ты уж прямо, Цай Байцао, если я тебе не нравлюсь, не надо меня тут проклинать!

А женщина по имени Цай Байцао, весело рассмеялась, продолжая полоть траву, и, не глядя, махнула тляпкой:

— Вот ведь бывают такие люди — чем правду прямее скажешь, тем им и слушать противнее. А когда поздно будет — кто виноват-то?

Помимо таких болтливых женщин, на гребне меж полями сидел ещё один старик, жевал травинку и говорил вполголоса, будто про себя:

— Молод ещё, сопли не обсохли — а уж лекарь! Сколько он там вылечил-то, по пальцам пересчитать. Уж я-то скажу — тьфу.

Сказал — и ещё покачал головой с видом всезнающего, что вынудило Вэнь Ецай лишь закатить глаза. Вот уж кто действительно умеет языком чесать. Хоть бы хватило достоинства потом, когда заболит, не стоять у его порога с протянутыми руками.

В поле стояла какофония голосов, пересудов и смешков, отчего у Вэнь Ецай зачесались руки и

подскочило раздражение. Он ускорил темп, быстро довёл дело до конца, закинул тяпку на плечо и ушёл прочь. Уж лучше пораньше вернуться домой и, глядя на лицо своего маленького лекаря, съесть обед с удовольствием, чем тратить время на болтовню с этой шумной гурьбой.

Едва переступив порог, Вэнь Ецай услышал, как Вэнь-эрню звонко выкрикнула:

— Старший брат, ты вернулся! Иди скорее в главную комнату отдохнуть — еда вот-вот будет готова! Я сегодня выкопала свежую пастушью сумку, а брат Дашу ещё и двух белых рыб принёс!

Сегодня, вернувшись с поля позже обычного, Вэнь Ецай застал, что готовкой обеда занялась Эрню. Только вот готовила она... как умела: блюда у неё редко выходили вкусными — в лучшем случае пища просто была сварена или поджарена, а вот за вкус ручаться не стоило. Скорее всего, пастушью сумку она превратила в пельмени, а белую рыбу — кто знает — возможно, уже превратила в месиво, где мясо с костями неотделимо, и то, что было рыбой, теперь просто мутная похлёбка.

Не питая особых надежд, Вэнь Ецай вошёл в главную комнату. На столе уже стояло блюдо. Он подошёл поближе — и увидел, что это совсем не то, чего ожидал.

Белая рыба лежала целиком, ни с виду, ни по состоянию не напоминая жертву кухонной бойни. Пастушья сумка ярко-зелёного цвета укрывала рыбу сверху, словно изысканная гарнировка. Снизу — молочно-белый рыбный бульон, от которого тянуло таким ароматом, что у него мгновенно заурчало в животе.

— Ого! — вырвалось у него.

Он даже протёр глаза, подумав на миг, не снится ли ему всё это.

<http://bllate.org/book/13600/1205933>